

Аветисян Гаяне

В горах

В карабахских горах радостно и спокойно. Здесь все подчинено тем неписаным правилам, которые передаются из поколения в поколение. То ли ветры приносят их из небытия, то ли звезды тихо опускают на землю. Священное писание знают даже те, кто не смог бы его прочесть: с детства слышат истину в мудрых словах старцев...

Он влюбился в смеющиеся веснушки и копну золотистых кудряшек сразу же, как только их увидел. Тут даже сравнивать было не с кем. Она, конечно же, была той самой тварью из священного писания. Собственно, само слово уже женского рода, а в устах его матери звучало как пронзительно! Никакие другие значимые выражения не прилипали к ней так, как это, и он продолжал грезить о том, что когда-нибудь станет для этих смеющихся веснушек единственной парой. Как написано в священном писании.

С самого начала все складывалось в его пользу. Рыжуха, так звали ее из-за цвета волос, жила со своей подслеповатой и глуховатой бабкой в заброшенном доме возле старой мельницы на самом краю обрыва. Появились они, в этой богом забытой глуши, откуда-то с далеких краев. Старуха на слово «пришлые» не обижалась и как-то проговорила, что не чужая она вовсе, что ее прадед по материнской линии в князьях ходил, и что половина земель здешних принадлежала ее предкам еще при русском царе. Над ней, конечно же, посмеялись, мол, старушка совсем умом тронулась, но жилье все-таки дали.

Тропинка, что шла от родника, вела к самому дому, другая поднималась от реки по крутому склону через лес. Он выбрал вторую. Казалось, никто его не видел, и никто ни о чем не догадывался. Что может быть хуже ненужных пересудов? Разве только бабка могла догадаться. Стара ведь, но уж не настолько, чтобы все забыть. Была у бабули одна только слабость. Любила она с утра прихлебнуть стопочку домашней водочки. Для здоровья. Надо сказать, водку она делала отменную. Из туты, кизила, сливы. Да и кормились они

домашним хозяйством: кто водочки купит, кто яичек свеженьких, молока или сыра козьего. Пенсия была совсем крошечная, но даже из нее выкраивалось немного для внучки на будущее. То сервиз модный прикупит, то полотенце банное. А перина у них по местным меркам была прямо-таки царской. Видать, не напрасно вспоминала она русского царя. Подслеповатая и глухая, она кое-что еще соображала. Вот этот паренек, что ходит к ним, как же он смотрит на ее внученьку, как же он на нее смотрит...

Паренек со временем перестал прятаться от недоброй молвы и стал чаще заходить в дом на краю обрыва. То дров наколет, то коз отведет на пастбище, то туты натрясет. Так бы и остался в этом доме возле старой мельницы. Так бы и остался... Какие же они пришлые? Самые что ни на есть родные. Пытался сказать об этом матери, но та оставалась непреклонной. Нет, она и говорить об этом не станет. Вот отслужит армию, там и решат, кого в дом приводить. Невест много. Да еще с каким приданным! Ей ли торопиться? Зная крутой нрав матери, спорить не стал, промолчал. Перед самым отъездом в армию пришел напоследок попрощаться. Бабуля по этому случаю две рюмочки на стол поставила, но волнения своего скрыть не смогла. Как же так? Кто первым постучит невесту сватать, тому и согласие нужно дать. В священном писании об этом ни слова, но в здешних краях почитали за истину. Видать, не торопятся сваты приходиться в дом на краю обрыва. Как же так?

Осенью стали приходиться письма. Их приносил горбун в старой потертой сумке. Горбун так давно работал на почте, что, казалось, и сгорбился от своей единственной ноши. Один почтальон на три деревни. Шутка ли? Бабка уж как радовалась, на радостях водочкой угощала. А ему что? Водка была крепкой, градусов семьдесят. После одной только стопочки жизнь в горах казалась горбуну еще прекрасней. Он напрочь забывал о долюшке своей нележкой, о том, что родился вот таким уродцем. О какой-то там библейской твари он и помышлять не мог после того, как самая распутная тварь во всей округе ему напрочь отказала. Давно примирился со своим одиночеством и не прислушивался к мудрым речам. Только горько усмехался.

Когда гор коснулись первые заморозки, стал горбун засиживаться в доме на краю обрыва. Выпьет рюмочку, потом вторую, посидит возле печи, погрееется. Старушка ему свои байки рассказывает о русском царе, о том, что предок ее (тот, что князем был) вхож был в царские палаты. И многое другое, просто невероятное. Он все поддакивал: мол, верю, верю, конечно же, все так и было. А однажды три вязанки дров притащил, молочного поросенка и домашнего винца. Как раз к Новому году. Вот так горбун! Старушка засуетилась, обрадовалась. Добрый человек какой! А где же письма от солдата? Неужто даже с Новым годом не поздравит? Горбун только пожимал плечами. Не знает он ничего.

К Рождеству пришла сваха местная: «Нет ли у старушки яичек для пирога?». – «Как же, конечно есть». – То да се, заболтались: «Что солдатик? Шлет ли весточки?». Тут старушка все и рассказала, что нет писем. «Случилось, может, что?». – «Да нет же, ничего не случилось», – успокоила сваха. Она только вчера с матерью солдатика говорила, спрашивала. Отправили его куда-то далеко, туда и письма, наверное, не доходят. Секретная часть.

После этого разговора старушка призадумалась. Что-то ее насторожило. Притворство свахи что ли? Какая еще секретная часть? Парень, конечно, хороший, добрый, но мать у него суцкая ведьма. Невзлюбила она Рыжуху сразу же, как только узнала, что сыночек ее стал захаживать в дом на краю обрыва. Что только ни говорила! И голь перекатная, и безродная, и рыжая. А внучка у нее совсем не рыжая. Цвет волос такой золотистый, будто солнышко к ней прикоснулось. Пусть еще поищут такую красавицу! Конечно, взять с них нечего, это правда. Живут с божьей помощью. А что мать у него корыстная – так это все знают. Ну и бог с ними. Коли такое дело, к этому и добавить нечего. Зима выдалась морозная, снежная. Крыша совсем прохудилась, отовсюду поддувало. Горбун и крышу починил. С виду хоть и неказистый, а руки крепкие, мозолистые. Стали горбуна местные парни доставать расспросами: «Чего это ты зачастил к старухе? Писем вроде бы уже нет, а ты все ходишь и ходишь». Подшутить решили над ним, а вышло нехорошо. Горбун сначала

отмалчивался, потом вдруг разозлился и даже подрался. Поцарапали ему лицо сильно. После этого случая затаил он на всех обиду горше прежней. Напрасно рыжуха ждала писем, да и старушка напрасно ставила две рюмочки на стол.

Ближе к весне разразилась гроза, ливень не прекращался неделю. Дороги размокли – не пройти, не проехать. А тут еще к посеву нужно было готовиться, ждать пока земля просохнет. Всю зиму просидели возле печи. Как же надоело! После долгой зимней спячки, лес просыпался неохотно. На деревьях появлялись первые весенние цветки, воздух наполнялся нежным ароматом зелени. В горах весна особенная.

Рыжуха вышла на крылечко. Залюбовалась лесом, что по другую сторону речки. Будто картину какую увидела из тех, что в городских музеях висят. Да разве ж такую красоту акварелью напишешь? Какая-то шальная мысль кольнула сердце. Она быстро обулась в резиновые сапоги, надела куртку, повязала шаль и зажмурилась. Солнце что ли поздоровалось? Вокруг ни души. Да кто же в такую слякоть из дома выйдет? Встряхнула ведро с золой, три острых уголька положила в карман куртки и торопливо пошла к старой мельнице. Бабуля крепко спит – уж точно видит себя в царских хоромах, скоро не спохватится.

Стены мельницы были отмыты ливнем и блестели, как холстовый лист на солнце. Вспомнилось детство, городская художественная школа, выставочные залы картинной галереи. Как же было хорошо, и как же неожиданно все оборвалось. Там она писала акварелью, здесь у нее были угольки. Она прислонилась к полуразрушенной стене старой мельницы, прислушиваясь к шепоту орешника, боярышника, шиповника, кизила. Скоро, совсем скоро вокруг все расцветет волшебным, а пока она попробует нарисовать что-нибудь простым угольком.

Она так увлеклась, что не заметила Горбуна, протягивающего ей письмо. Он как-то странно на нее смотрел, будто ждал награды за то, что весточку хорошую принес. Но девушка продолжала рисовать лес, не обращая внимания

ни на горбуна, ни на письмо. Горбун постоял немного возле нее, потом присел на камень – «Ничего, подождет. Куда торопиться?».

Он внимательно следил за Рыжухой. Она изредка оборачивалась в сторону леса, даже пару раз взглянула на Горбуна. Горбун на всякий случай улыбнулся, мол, привет, вот он я, письмо тебе принес. Напрасно. Ничего не видит, так уж увлечена рисованием. И как же ловко у нее получается! Несколько штрихов – и вот уже старая мельница будто ожила. Вот поляна лесная, вот и деревья. Горбун ничего подобного в своей жизни не видел. Чудо, да и только. Засмотрелся и забыл, зачем пришел. Письмо так и осталось лежать в старой потертой сумке.

Солнце уже пряталось за гору, когда последний штрих перенес красоту гор на стену разрушенной мельницы. Рыжуха заторопилась, – как же быстро летит время! Бабуля, наверное, заждалась, волнуется. Горбун так и остался сидеть неподвижно, словно прирос к камню: так все было необычно. Сидел бы и смотрел, как она рисует.

С того самого дня закружила Рыжуху весна, стала она страстью своей одержима. Забыла и про солдатика, и про посевную пору, забросила все домашние дела и только рисовала. Рисовала всюду и везде, где только получалось. На стенах старых, заброшенных, на огромных речных камнях, на скалах, высеченных ветром. Горбун ходил за ней как верный пес. Доставал черные угольки, разноцветные мелки, альбомы, акварельные краски, карандаши. Рыжуха неохотно рисовала в доме – все больше любила бродяжничать по окрестностям. Порой уходила на целый день и возвращалась только в сумерках. Старушка поначалу все ворчала, бранилась, потом поняла, что бестолку. Ох, и упрямая же у нее внученька! А тут еще такое дело выгорело – стал Горбун мастерить красивое обрамление для картин. Потом сам же отвез несколько картин в город на продажу. Когда бабуля увидела деньжата, хоть и небольшие, а все ж обрадовалась. Вместо обычных двух рюмок, выпила аж четыре. Как же хорошо, что внучкин талант заприметили. Как же хорошо!

Нравилось Горбуну быть полезным. Все, что ни делал, – в радость. Такие рамочки выпиливал, что и сам удивлялся. Откуда у него, неприметного, дар обнаружился? Он верил, что все, что с ним происходит не случайно. Какая-то невидимая цепочка событий выстраивалась, как если бы кем-то писалась сага гор. Он и сам не заметил, как стал предприимчивее, смелее. По-прежнему оставался молчаливым, но мысли, как пчелиный рой, жужжали в его голове.

Однажды, взяв с собой несколько картин, он остановился недалеко от храма Сурб Ованеса Мкртыча (св. Иоанна Крестителя). Ганзасар, что переводится как гора сокровищ, привлекала внимание туристов не только своей райской природой, но и монастырем 13 века на самой ее вершине. Согласно преданию, в усыпальнице храма была захоронена голова Иоанна Крестителя. Сей потрясающий факт побуждал многих приобрести какой-нибудь сувенир на память.

Один из туристов внимательно рассматривал картины, потом обратился к сопровождающему гиду. – «Ему хотелось бы купить эти картины». – «Все?». – «Да, все. А кто художник? Девочка из соседнего села? Нельзя ли увидеть остальные работы?». – «Он спрашивает не из любопытства. Он представляет благотворительный фонд помощи одаренным детям».

Горбун был не готов к такому повороту событий – не сразу понял, чего же от него хотят. Он и так был неохоч до всяких разговоров. А тут еще появился страх перед этим иностранцем. Что ему надо?

Он что-то промямлил невпопад. – «Как найти дом?». – «В соседней деревне, возле старой мельницы. Живет со своей бабкой».

Весь обратный путь Горбун прошагал так, будто гнались за ним черт с лешим. Он очень торопился, боялся, что его обойдут, опередят.

В доме над обрывом все было как обычно: старуха возилась в огороде, внучка жарила к обеду цыпленка. Он чуть не сбил старушку с ног. Она, преграждая ему путь, посмотрела в сторону калитки: «Кто это там за ним гонится?».

– Ты что такой взмыленный? Обидел кто? Сядь, поостынь маленько. Сейчас скажу внучке, чтобы воды холодной принесла.

Рыжуха принесла большую кружку родниковой воды. Он выпил все до последней капельки, потом вытащил несколько помятых денежных купюр и положил их на стол. Вот, выручка за картины.

– Что ж, все картины продал?

Старуха на радостях потянулась к бутылке. Вот и ладненько. За это грех не выпить. Она налила ему рюмку до краев, пододвинула поближе.

– Внученька, неси цыпленка, совсем уж проголодались. А ты, сынок, не молчи, расскажи-ка, кто все картины купил?

Горбун стал нехотя рассказывать, не привирая и ничего не утаивая. А так как говорил сбивчиво, нервно, старуха все время перебивала.

– Что, говоришь, этот господин пообещал? Приехать? Да, дело серьезное. Ну, так надо позвать кого-нибудь из наших. Как думаешь, кого? Кого-нибудь из начальства? Откуда мне знать, что за человек? Может, прощелыга какой.

Горбун молчал. «Начальство не придет, больно заносчиво. Ничего, ничего», – не унималась старуха. Что-нибудь, да и придумает.

Рыжуха казалась безразличной. Нет ей никакого дела до этого господина. Ей вольная жизнь дороже всего на свете! Старуха заулыбалась: «Все верно, внученька, княжеские гены не дадут себе прогнуться. Нечего бегать невесть за кем». Улыбнулся и Горбун. Ушла тревога, отпустил страх.

На следующий день странная новость облетела все село: «Какой-то богатый иностранец уж больно интересовался Рыжухой. Мать звонаря врать не станет, клялась на золотом крестике. Горбуна видели в момент получения денежных купюр. Вот ведь хитер! Кто бы мог подумать?!».

Ни свет, ни заря, как только прокричали первые петухи, весточка, пришедшая с горы сокровищ, быстро обросла новыми деталями и очень скоро была доведена до нужной кондиции. Слово из священного писания старательно просклоняли по всем падежам. К обеду, когда все мыслимые и немыслимые фантазии были озвучены, к дому возле старой мельницы подкатила свита царская. Эту фантазию чуть позже озвучила сама хозяйка дома. Иностранец, ни дать, ни взять, – ну, сущий клон русского царя. И пьет по-русски, и

закусывает. Старушка с вечера все хлопотала. Чего только ни наготовила! Кур зажарила, голубцов штук сто завернула. Местное начальство в доме на краю обрыва представляли известная сваха и пастух.

Посмотрел гость рисунки и пообещал для Рыжухи обучение в заморских краях. Сказал, что девочка талантлива, богом отмечена. Старуха чуть рассудка не лишилась от таких слов и сразу же дала свое согласие.

Рыжуха в момент сговора была далеко и не могла ничего знать. Она увлеченно писала портрет Горбуна. Тот сидел – ни живой, ни мертвый. У него даже фотографии приличной не было, а тут портрет... Это событие он посчитал также не случайным, а продолжением той красивой саги, что писалась в горах. Свой портрет он подарит, конечно же, Рыжухе. А кому же еще? Не оставлять же у себя. Засмеют или, того хуже, поколотят.

В воскресенье в горах пронесся ветер и чуть-чуть заморосило. Ничего примечательного не произошло, если не считать того, что ранним утром Горбун был замечен в отчаянном состоянии. На него было больно смотреть. Он бежал за какой-то машиной не останавливаясь. Машину уж было не видеть, а он, бедненький, все бежал и бежал...

Когда же наступила осень, и все вокруг стало слегка рыжим, приехал на побывку солдат. Всего-то на несколько дней. Цвет осени напомнил ему о смеющихся веснушках, будто эхо что-то прошептало шелестом опавшей листвы.

А в далекой Венеции ценителями прекрасного была замечена девочка с золотистыми волосами, пишущая акварелью. Среди многих ее работ одна была удостоена особого внимания. Называлась она – «Портрет горбуна».